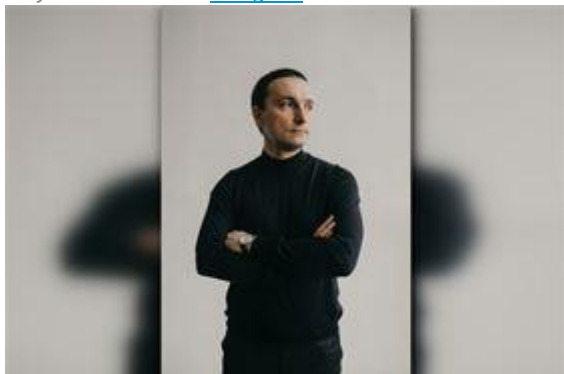

«Определенные люди очень серьезно на нас обиделись»: руководитель компании рассказал о начавшемся переделе рынка медтехники в Саратове

- [Мнения, дискуссии](#)
- 30 июля 2019 11:21

- Опубликовала [antigona](#)

Тимофей Бутенко

Недавно в региональных СМИ прошла информация о возбуждении уголовного дела по факту поставки якобы контрафактного товара в медицинские учреждения Саратовской области. Речь шла об аппаратах для УЗИ-диагностики, закупленных в детские поликлиники в конце прошлого года. По версии следствия, некоторые датчики в этом оборудовании могут быть не прошедшими сертификацию на территории России. Официальной информации по поводу происходящего пока нет никакой. Известно лишь о том, что в настоящее время дорогостоящая техника по требованию следствия выведена из эксплуатации и простаивает в лечебных учреждениях. Мы побеседовали об этом (и не только) с руководителем ведущего поставщика и наладчика медицинского оборудования в Саратовской области ООО «СМС-Технологии» Олегом Сипягиным. Именно его организация заключала договор на поставку спорных аппаратов в регион.

Коротко

Собеседник считает, что происходящее связано с силовым давлением на структуру регионального рынка медицинских закупок, с целью его передела. По его словам, возбуждение уголовного дела — лишь одна из частей длительной кампании, направленной на дискредитацию фирмы. В этом могут быть замешаны представители власти, правоохранительных органов и даже выходец из местного штаба Алексея Навального.

Производителем аппаратов УЗИ, закупленных через фирму Олега Сипягина, является крупнейший в России завод по производству медицинской техники и оборудования ЗАО «НИПК «Электрон», который включен в список производителей по программе импортозамещения Минпромторга РФ. Тогда как, по ряду косвенных признаков, заказчик оборудования — региональный минздрав — мог быть заинтересован в приобретении более дорогостоящей техники, предположительно от иностранной компании Philips.

Продукция «Электрона» была поставлена в десяток детских поликлиник, которые, в общей сложности, получили 18 единиц техники. Оборудование было введено в эксплуатацию в декабре 2018 года, использовалось по прямому назначению, а с июня 2019 года на нем прекратили работу по требованию правоохранительных органов. Изначально проверка по этим аппаратам велась силами МВД. Позже материалы были переданы в СУ СК региона.

В настоящее время в Арбитражном суде Саратовской области рассматривается целый ряд исковых заявлений ООО «СМС-Технологии» о взыскании крупных сумм с министерства здравоохранения. Это деньги не только за поставленное спорное оборудование, но и за другую технику, оплата по которой не произведена до сих пор.

Ищите в тексте

«У властей там военная техника в снегу застревала. А мы должны были доставить ФАПы. Видимо, на вертолете привезти их нужно было».

«Потом пришел Ипатов. Тогда нас начали „мочить“, не хуже, чем сейчас. То есть, нам объясняли: вы тут не нужны, вы — аяцковские».

«У наших чиновников есть такая специфика — они не в состоянии принять решение. Они не могут взять на себя ответственность и потом отстаивать свою позицию».

«Что нужно сделать для того, чтобы расчистить дорогу кому-то? В первую очередь, нужно убрать с дистанции компанию, у которой больше всего шансов победить в тендерах».

«В ходе этого процесса нам сказали очень интересную вещь: у вас такие проблемы возникают потому, что вы должны показать — чьи вы».

Про иски к минздраву

— Общая сумма наших исковых требований к минздраву области по итогам нескольких поставок сейчас — более 74 миллионов рублей. Было подано несколько заявлений в мае-июне этого года.

Мы выполнили обязательства, и максимум через 30 дней все платежи должны быть исполнены. Потому что под каждым государственным контрактом и розыгрышем в конкурсе стоит документальное подтверждение финансирования о том, что заказчик обладает ресурсами для размещения того или иного заказа. При этом обращаю внимание, что ни в одном из наших контрактов нет условий даже о частичной предоплате.

Нельзя сказать, что у них нет денег или еще что-то. Это означало бы только то, что чиновники непрофессионально работают. Значит, они несвоевременно обратились в федеральный центр, не вовремя предоставили отчетность. Возможно, несвоевременно было заключено соответствующее соглашение, опять же, с федеральным центром. Поскольку, как я понимаю, денег у нас в социальной сфере региона просто нет. По большому счету область финансово несостоятельна. Ничего не создается, а только используются ресурсы федерального центра. Субсидии.

Иски у нас пошли далеко не только по этому оборудованию, к которому пытаются предъявлять претензии правоохранительные органы. Например, у нас недавно была реализована программа по поставке фельдшерско-акушерских пунктов (ФАПов). Везде отчитались, что область теперь ими оснащена. Это мы делали. И нам за это почему-то до сих пор не заплатили. Почему? Ведь вы уже отчитались и работаете на этом, претензий по качеству нет. У вас прием людей там идет...

Интересная деталь — поставки ФАПов производились в начале 2019 года, а вы помните, какие у нас этой зимой были снегопады. Транспорт просто не мог добраться до места. Ведь где ставится фельдшерский пункт? В селе, на опушке леса. И в условиях снежных завалов не очень представляется возможным загнать туда платформу, на которую устанавливается конструкция.

Мы делаем запрос в МЧС: сообщите, пожалуйста, можно ли считать такие погодные условия форс-мажором? Нам отвечают: нет, у нас есть официальная позиция, что ЧС в области нет. У нас со снегом все нормально.

И что мы должны предпринять? Нам нужно доставить в село эту конструкцию. С установкой, краном и так далее. А у нас их десяток был, этих ФАПов.

Тогда мы в Гидрометцентре запрашиваем информацию о глубине снежного покрова. Нам дают глубину в сантиметрах, после чего мы ищем стандарт, которым определяется — можно в этом случае проехать определенному транспорту или нет. И то, я не исключаю, в суде мы сейчас столкнемся с тем, что нам будут насчитывать пени. За то, что мы не смогли проехать по завалам в то или иное село.

Мы, конечно, пробовали чистить проезды к селам за свой счет. Но очень быстро поняли, что можем разориться на этой очистке. У властей там военная техника, прибывшая на подмогу, пробиться не могла — в снегу застревала. А мы должны были доставить ФАПы. Видимо, на вертолете привезти их нужно было.

Мы предлагали оставить эти ФАПы на заводе в Саратовской области. И, как только будет возможность, вывезти их и смонтировать на местах. Это совершенно нормальные, деловые отношения. Но заказчики не согласились.

Понимаете, у наших чиновников есть такая специфика — они не в состоянии принять решение. Они не могут взять на себя ответственность и потом отстаивать свою позицию. Боятся быть обвиненными в сговоре или в чем-то еще. И я их понимаю очень хорошо. Потому что завтра придет кто-то проверять и спросит: а где у вас ФАПы? А они на заводе. Почему на заводе? А у нас есть такое вот соглашение... Им скажут: о, ребята, да у вас тут коррупционная составляющая!

Так или иначе, мы все это учитываем и понимаем, что это — наши предпринимательские риски. Так что посмотрим, какие аргументы они в ходе судебных разбирательств будут приводить для того, чтобы дальше не платить.

Про кампанию против компании

— Все началось еще в 2018 году. Возможно, причина того, что к нашей организации стали проявлять повышенное внимание определенные СМИ и правоохранители кроется в том, что мы побеждали в тех торгах, в которых, по мнению неких людей, не должны были побеждать.

Год назад еще никто и представить не мог, что к определенному оборудованию у силовых структур возникнут вопросы. Но уже тогда это «предсказывали» в некоторых публикациях. Из этого мы и делаем сейчас вывод, что к тому, что мы сейчас видим, шла какая-то планомерная подготовка. То есть, вся эта кампания не возникла на пустом месте.

В этом, конечно, могут быть заинтересованы фирмы, которые участвовали в торгах на поставку диагностических аппаратов УЗИ. Тех самых, из-за которых сейчас возбуждено уголовное дело. Но у меня пока больше подозрений в пользу не просто единичного случая, а полного передела рынка медицинских поставок в Саратовской области.

Дело в том, что в прошлом году стартовали серьезные федеральные программы в рамках нацпроектов в сфере здравоохранения. В частности, это программа «Борьба с онкологическими заболеваниями», программа «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» и программа «Охрана материнства и детства». Как раз в последней программе мы принимали участие со спорным диагностическим оборудованием для ультразвуковых исследований.

Регион получает целевое финансирование. Он не может эти деньги использовать по иному назначению. Смысл этих программ в том, что существует некий достаточный уровень качества отрасли. Делается оценка — что у нас происходит, допустим, в Волгограде, Самаре, Саратове, Москве. Задача группы, которая эти программы курирует — выровнять условия оказания медицинской помощи на различных территориях. Чтобы соблюсти стандарт качества медпомощи. Может быть, и не очень высокий, но примерно идентичный. Чтобы не было

такого большого разрыва между регионами с разным уровнем бюджетных доходов. В этом суть программ и состоит, поскольку государственный сектор у нас все-таки доминирует на рынке оказания медицинских услуг.

Иницирует программы Минздрав России. Министерства любого региона, в том числе и Саратовской области, только транслируют местную специфику и подтверждают готовность к реализации этих программ.

Например, программа «Охрана материнства и детства в Саратовской области» предполагает поставку цифрового оборудования. На рынке всем известно, что мы являемся официальным представителем ряда российских производителей. Что нужно сделать для того, чтобы расчистить дорогу кому-то? В первую очередь, нужно убрать с дистанции компанию, у которой больше всего шансов победить в тендерах. А дальше — уже обкатываются различные способы.

Первая волна

— Первым камнем, который полетел в нас, была публикация, подготовленная теперь уже бывшим координатором саратовского штаба Навального Михаилом Мурыгиным в июне 2018 года. Это был видеоролик, в котором компания представлялась как некий чудовищный монополист, который, по мнению авторов, получает заказы, наверное, просто так. Они съели чью-то «утку», не разобрались в вопросе и просто сели в лужу. Потому что для своих «разоблачений» они взяли одну единственную закупку, да и в той маржинальности (разница между производственными затратами и ценой товара, — прим. авт.) была предельно низкая.

Некоторые поставки оборудования, подобно той, которую Мурыгин счел «преступной», мы проводим только из-за того, что нам необходимо поддерживать финансовые обороты. Мы говорим: хорошо, мы возьмемся поставлять эти медицинские комплексы, хотя там маржинальность низкая — до 5 процентов. Но при этом мы поддерживаем лимиты финансирования на высоком уровне и имеем возможность привлекать финансовые ресурсы региональных банков для участия в федеральных и региональных проектах. Это такая специфика работы с банками, в которой иногда неподкованные наблюдатели могут усмотреть признаки чего-то странного, а значит, по их мнению, коррупционного.

Поэтому первое, что мы сделали, когда саратовский штаб Навального опубликовал эту клевету, мы подали в суд заявление о защите чести, достоинства и деловой репутации. Есть решения судов в нашу пользу, но эта публикация до сих пор почему-то не удалена. Нами уже были направлены заявления в прокуратуру на бездействие приставов и Роскомнадзора.

Из Роскомнадзора пришел ответ, что все материалы переданы в Москву, в федеральное ведомство. И там якобы выработывается решение, обсуждается этот факт. Хотя глупость такой позиции заключается в том, что суд — это последняя инстанция. И какие факты вы там будете обсуждать с федеральной структурой — никого не интересует. Есть решение суда, вступившее в законную силу, и вы обязаны его исполнять.

Почему так происходит, почему оперативно не реагируют на решение суда? Все из-за того, что та публикация, как мне кажется, является дешевой заказухой. То, что Мурыгин был позже снят с должности руководителя местного штаба Навального, ничего не изменило. В настоящее время он не только не выполнил решение суда об удалении лживой информации из интернета, но и не выплатил присужденные судом суммы, уклоняясь от требований судебных приставов. Что, впрочем, сейчас не мешает ему баллотироваться в депутаты.

Первый момент, на который был сделан акцент в том ролике — если компания часто выигрывает госконтракты, значит она имеет какую-то административную поддержку. Но никто не разобрался в ситуации, не посмотрел, например, что мы работали при четырех губернаторах. Еще до Аяцкова был такой деятель — Белых (Юрий Белых возглавлял администрацию региона до февраля 1996 года, — прим. авт.). Мы уже при нем работали. Потом был Дмитрий Федорович Аяцков (первый губернатор Саратовской области, работал в должности до 2005 года, — прим. авт.). Мы при нем существовали.

Потом пришел Ипатов (Павел Ипатов возглавлял регион до 2012 года, — прим. авт.). Тогда нас начали мочить, не хуже, чем сейчас. Только без участия прессы. То есть, нам объясняли: вы тут не нужны, вы — аяцковские. Мы говорим: мы не аяцковские, мы до Аяцкова тут тоже были. Но отвечали так: нет, у нас тут самарские ребята будут работать. Тогда мы стали подавать жалобы в ФАС по тендерам, выигрывали иски и с нами стали считаться. Выгнать с рынка не удалось. Потом поменялся Ипатов на Радаева (Валерий Радаев — действующий губернатор, — прим. авт.).

Это что касается мифического административного ресурса или сговора какого-то в деятельности «СМС-Технологии». Этого просто нет и быть не может.

Следующий момент, на который был сделан акцент в видео Мурыгина — то, что у нас якобы никогда не проводились проверки контролирующими органами. И тут же после выхода этого материала начался вал проверок. Проверили все, что можно. Никаких нарушений не нашли. Нет замечаний и все тут. Ну не знаю, может это преступление — работать без нарушений?

Высокие технологии и скот

— С этой стороны подступиться к нашей компании не удалось. Тогда начинается вторая волна — возникают публикации в прессе. Уже про те самые ультразвуковые установки, по которым сейчас уголовное дело возбуждено. Их тогда еще не поставили в регион, их еще в глаза никто не видел. Но определенные издания стали писать о том, что эти аппараты якобы созданы только для использования в сельском хозяйстве — для скотины. Тогда стало понятно, что все это неспроста.

Мы провели круглый стол в региональной ТПП (Торгово-промышленная палата Саратовской области, — прим. авт.), куда были приглашены все заинтересованные лица. Там были представители медучреждений, куда планировалось поставить оборудование, были представители завода-изготовителя, прокуратуры и так далее. Вроде бы во всем разобрались, никаких вопросов не возникло по качеству оборудования.

После этого публикации на какое-то время прекратились. А потом вновь пошел странный накат через СМИ. Мол, мы — мафиозная организация какая-то, которая крышуетсЯ УФАС (управлением Федеральной антимонопольной службы, — прим. авт.), минздравом, МВД, судами... Что у нас все эти структуры «карманные». Я говорю сотрудникам: ничего себе, мы, оказывается, такие возможности имели и никогда ими не пользовались!

Мы никак на это не реагировали. Не считали нужным как-то публично отвечать на такой бред. И тогда появилась публикация уже с таким посылом: мы пишем и то, и это, а директор «СМС-Технологий» такой спокойный, вывести его из равновесия невозможно. Со всеми он тут дружит — и с левыми, и с правыми, оказывается.

Дальше появляется некая госпожа Левашова, у которой есть компании, занимающиеся торговлей фармацевтической продукцией. Насколько я знаю, она написала заявление в МВД — в отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Судя по тому, что у нас спрашивали и проверяли сотрудники правоохранительных органов, в заявлении было написано все, что только можно.

Органы приняли сразу два заявления Левашовой. Под их предлогом в феврале 2019 года к нам нагрянула целая группа сотрудников управления по борьбе с экономическими преступлениями областной полиции для проведения «осмотра места происшествия». Искали деньги, чужие печати, какие-то расписки о взятках... Конечно, даже никаких следов всего этого полиция у нас не обнаружила. Но изъяли подлинники всех документов, жесткие диски, чем просто заморозили деятельность компании. Позже нам удалось частично получить документы обратно, но только в копиях. Подлинники у них остались.

С этого момента и до апреля 2019 года наступила тишина. И только после жалоб адвоката меня вызвали в службу собственной безопасности ГУ МВД с вопросом: а как вы считаете, что послужило причиной для того, чтобы к вам пришли с осмотром и изъяли документы? Я сказал,

что вижу в этом попытку силового давления. Правда, не очень понятно — в какую сторону давления. Давить-то давят, но что именно хотят? Наверное, чтобы мы нигде не работали?

Кстати, именно там, в УСБ, я услышал впервые эту формулировку связанную с контрафактом, якобы выявленным в продукции завода «Электрон».

Про «арестованное» оборудование

— У меня было большое недопонимание по этому поводу по одной простой причине — потому что я приобретал это оборудование у российского производителя. У меня был с ним прямой контракт. И говорить о контрафакте в отношении нашей компании не представляется возможным. Потому что отгрузочная документация вся заводская. Завод сам полностью устанавливает и обслуживает оборудование, учит персонал. Потому что у них гарантии на товар. У нас даже не было на это права допуска, поскольку производство новое и обслуживаться техника может только непосредственно производителем.

Приемка запечатанного и упакованного заводом-изготовителем оборудования осуществлялась в присутствии представителей ТПП, минздрава, в присутствии представителя ООО «СМС-Технологии» и при обязательном и активном участии представителя производителя. Без него никто не имел права вскрывать и запускать оборудование. Потому что в противном случае у потребителя пропадало право на гарантийное обслуживание.

Я был полностью уверен в качестве поставленного оборудования, потому что одновременно с его отправкой в мой адрес от завода поступал документ о соответствии качества поставляемой техники требованиям условий государственного контракта. Местом поставки являлся не склад ООО «СМС-Технологии», а адрес непосредственного потребителя, то есть конкретного медицинского учреждения Саратовской области.

Это оборудование находилось в эксплуатации с декабря 2018 года. До июня 2019 года оно работало. Больницы все это время зарабатывали на нем деньги, оказывая диагностическую помощь.

Когда я понял, что к оборудованию есть какие-то претензии у правоохранительных органов (или еще кого-то, кто инициировал всю эту кампанию), то начал заниматься изучением этого вопроса более глубоко. Мы провели анкетирование каждого лечебного учреждения относительно качества работы данного оборудования. Обобщили результаты этого анкетирования и отправили на завод-изготовитель. И получили оттуда ответ о том, что представители завода готовы выехать на место и исправить технические недостатки, о которых говорилось в наших опросниках. Был подготовлен план-график этих работ. Это стандартные технические работы, лежащие в зоне ответственности любого производителя.

Итак, мы получили подтверждение о готовности выезда инженеров завода для проведения тех или иных работ. Все это мы организовали как поставщик оборудования. Лечебные учреждения подтвердили вызов специалистов. Специалисты приехали в Саратовскую область и в нескольких поликлиниках успели провести регламентные работы.

Как только следственный комитет узнал о том, что здесь работает группа этих заводских специалистов, им стали поступать звонки от следователей или оперативников о том, что их тут сейчас будут допрашивать по факту поставки контрафактной продукции. На тот момент дело еще не было возбуждено, но уже до этого началось такое воспрепятствование в эксплуатации этих приборов. В итоге, допуск специалистов к технике был закрыт.

Более того, следователи обратились в управление Росздравнадзора с просьбой изъять оборудование из оборота. Те дали ответ, что не имеют официальной информации по этому поводу и не могут произвести изъятие, а могут только порекомендовать провести экспертизу соответствия прибора тому регистрационному удостоверению, на которое ссылается производитель.

Оказалось, что единственная организация, которая может проводить такого рода экспертизы – это Всероссийский научно-исследовательский и испытательный институт медицинской техники Росздравнадзора.

До этого мы обращались в федеральный Росздравнадзор, где нам посоветовали обратиться на завод, который производит оборудование. Оттуда у нас есть ответ, что все соответствует.

В итоге Следственный комитет вывел из эксплуатации оборудование своим письмом. Очень интересный момент – если у них были претензии к каким-то трем датчикам, то почему была выведена из эксплуатации вся система? Ущерб, который сейчас этими действиями наносится лечебным учреждениям, можно очень легко посчитать. Взять счет, который был выставлен в страховую медицинскую организацию за один из месяцев эксплуатации приборов и установить, какие деньги будут недополучены лечебным учреждением.

По моим данным, сейчас активно ведется работа с руководителями лечебных учреждений по поводу формирования мнения об этих приборах. Понятно, что ни один руководитель не станет спорить с человеком в форме, когда тот приходит и говорит: у нас тут такое уголовное дело, а вы пишете положительный отзыв, непорядочек. Что дальше сделает руководитель? Он скажет, что его это вообще никак не касается. И начнут появляться претензии к оборудованию, что, например, на стакане для геля облезла краска и тому подобное. Уже пошли такие отзывы.

Причем, есть учреждения, у которых нет совсем претензий к этим приборам, а есть такие, где претензий очень много. Но это уже вопрос правоотношений. Есть гарантийный период – 12 месяцев. Заявка должна быть оформлена и исполнена. Неисправности – ликвидированы, все, что облезло – заменено.

Это стандартная практика. Ведь продукция принималась не одним человеком, а целой комиссией. В нее входил представитель министерства здравоохранения региона, торгово-промышленной палаты, завода-изготовителя... Именно в рамках этой приемки возникли вопросы, связанные с кодификатором этих датчиков, которые следствие сейчас называет контрафактными. Заметили, что на экран выдаются «технические» коды.

Мы, получив запрос по этому поводу, в свою очередь задали вопрос производителю. И получили от него четкий, ясный и понятный ответ: изделие соответствует регистрационному удостоверению, и то, что вы видите на экране – соответствует нашему программному обеспечению, а не отражает сведения о датчике. Отметим, что если бы датчик был контрафактным, то заводской прибор его бы не видел, специалист не смог бы работать на этом приборе. При этом, хочу напомнить, что оборудование до июня 2019 года находилось в эксплуатации и на нем работали.

В итоге, со своей стороны мы, на мой взгляд, предприняли все меры должной осмотрительности. Это и дополнительные исследования, и запросы на завод, которые представлены в следственные органы. Есть заключение контрольно-измерительной лаборатории ФБУ Саратовский ЦСМ имени Дубовикова о том, что поставленное оборудование полностью соответствует документации на него. От этого заключения, кстати, сильно передернуло представителя следственных органов, который хотел возбудить дело еще в апреле этого года, а возбудить смог только в июне.

Про обиженных

– Есть еще один очень интересный момент. Когда извещение о предстоящей закупке этого ультразвукового оборудования опубликовали, было очень много запросов на разъяснение документации от различных компаний. С уточнениями: почему тут прописано так, а не по другому. Один из вопросов к заказчику – минздраву области – был задан не нашей организацией, а другим представителем рынка поставок. Я его процитирую: «Самое большое удивление у нас вызывает точная масса и габаритные характеристики, которые не имеют никакого отношения к качеству ультразвуковой диагностики, но при этом полностью соответствуют размеру и весу сканеров Affinity».

Чтобы было понятно, такое оборудование производит компания Philips. То есть, изначально на всех углах говорилось о том, что поставлена будет продукция именно этого иностранного производителя.

Почему мы пошли на торги с отечественным производителем — с заводом «Электрон»? Дело в том, что именно он выступал локализатором компании Philips при производстве компьютерной томографии. То есть, работал над адаптацией оборудования для России. Мы посчитали, что качество оборудования этого производителя будет соответствовать требованиям.

После многочисленных запросов, в документацию заказчиком были внесены изменения, которые убрали ограничения по габаритам техники. На торги смогли пройти пять участников рынка и они состоялись с очень серьезным падением в цене. Конечно, этого бы не произошло, если бы остался только один вариант с Philips. В таком случае там бы не было никого — никакой конкуренции.

Определенные люди, так или иначе имеющие отношение к реализации в Саратовской области программы «Охрана материнства и детства», очень серьезно обиделись на то, что произошло. Потому что мы выиграли практически 90 процентов тендеров по этой программе. А победителем тут, как я предполагаю, по задумке некоторых деятелей, должны были стать другие организации.

В итоге мы видим странную кампанию, которая была раздута до уголовного дела. Похоже, в результате этого наша организация должна стать «нерукопожатной», будет восприниматься с осторожностью. Причем, с осторожностью будут относиться производители, финансовые структуры и потребители. То есть, желания и цели неких людей, которые все это организовали, вот-вот могут быть достигнуты.

В ходе этого процесса нам сказали очень интересную вещь: у вас такие проблемы возникают потому, что вы должны показать — чьи вы. Я говорю: в смысле, «чьи»? Думаю, что область в ладоши должна хлопать, что отсюда еще не все съехали. Потому что в регионе можно работать, и не находясь здесь территориально, имея московскую или питерскую регистрацию.

Например, я недавно был в Волгограде, где идет реализация таких же федеральных программ, и мне там четко сказали: у нас одно требование — вы должны здесь зарегистрировать свое предприятие или открыть обособленный офис. Потому что люди заинтересованы, чтобы налоги шли туда, чтобы там готовились кадры.

А у нас, получается, в этом никто не заинтересован. У нас заинтересованы в чем? Чтобы был посредник из Москвы или откуда-то еще. И вопрос — для чего это? Чтобы в мутной воде что-то ловить? И главное, в этой борьбе никого не волнуют реальные больные, оставшиеся без ультразвуковой диагностики?

Ссылка на оригинал: <https://nversia.ru/news/opredelennye-lyudi-ochen-serezno-na-nas-obidelis-rukovoditel-kompanii-zanimayuscheysya-postavkami-medtehnik-rasskazal-o-nachavshemsya-peredele-rynka-v-regione/>